

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.8-11

ДЕВОЧКА С КУКЛОЙ

ПЛЯТТСКАЯ ЖИЗНЬ

СТР.4-7

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

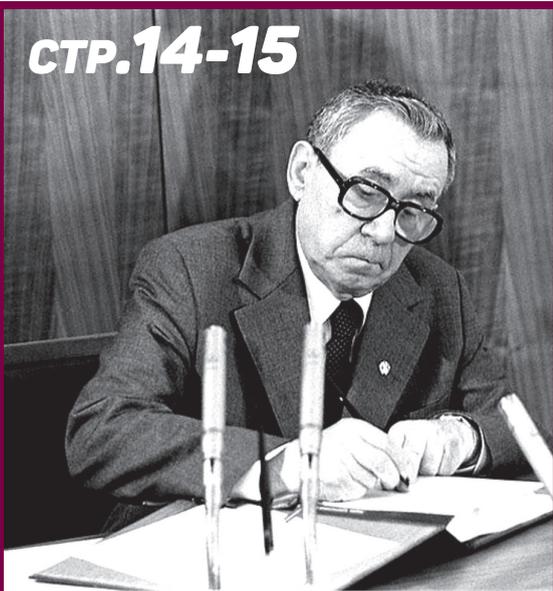
№27 (212)
ИЮЛЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ВОТ ТАКАЯ БАЙДА. ГРОМЫКО

СТР.14-15

СТР.16-17

БУМЕРАНГ

СТР.20

СПЛОЧЕННЫЙ ЭКИПАЖ

К. С. Петров-Водкин (слева), родители, брат и Таня

Картина К.Петрова-Водкина «Девочка с куклой. Портрет Татули»

ДЕВОЧКА С КУКЛОЙ

Геннадий Норд

Когда я бываю с концертами в городке Хвалынский, то обязательно захожу в музей, расположенный в доме, где родился и жил знаменитый Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. Именно в Хвалынске он написал свою знаменитую картину «Купание красного коня».

Изучая творчество художника, я обратил внимание на картину «Девочка с куклой. Портрет Татули». Кто такая эта Татуля?

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что Татуля - это народная артистка Татьяна Пилецкая.

Татьяна Пилецкая по праву могла бы быть одной из первых «королев» советского кино. Грациозная красавица с огромными серыми глазами, копной каштановых волос, актриса с прекрасной балетной школой, не похожая ни на кого. Когда-то, дебютировав в «Пирогове» и «Княжне Мэри», она влюбила в себя полстраны. Но в 1956 году на советские экраны вышла мелодрама Леонида Лукова «Разные судьбы». Татьяна Людвиговна потом признавалась, что этот фильм одновременно принес ей невероятную, просто ошеломительную славу и поставил жирный крест на ее кинокарьере. Нет, конечно, он не уничтожил ее как актрису - она по-прежнему выглядела восхитительно и играла блистательно. По-прежнему ее каскадерский номер с выездом верхом на лошади из фильма «Олеко Дундич» собирал стадионы, а список приписываемых ей народной молвой в возлюбленные известных актеров только пополнялся: Олег Стриженов, Олег Басилашвили, Георгий Юматов, Марк Бернес...

Но карьера вдруг резко забуксовала, зашла в непонятный, явно нетворческий тупик. И это в 28 лет - в самом расцвете, причем, на фоне таких внутрисемейных передраг, что хоть волком вой или в петлю лезь.

Однако актриса и не думала сдаваться. Нашла «свой» театр - ленинградский «Ленком» (ныне «Балтийский дом»). Написала четыре автобиографические книги, занялась изучением своего генеалогического древа.

Причем, сделала в своей родословной немало удивительных открытий: оказывается, ее прапрабабушка Луиза Граффемус героически сражалась в войне с Наполеоном, а Антон Павлович Чехов носил пенсне работы другого ее предка - из-

вестного петербургского оптика Ивана Яковлевича Урлауба.

- Татьяна Людвиговна, в детстве вас рисовал знаменитый Кузьма Петров-Водкин, другой известный художник Алексей Пахомов с вас ваял фарфоровую статуэтку «Юная балерина», сегодня хранящуюся в Русском музее. Почему они в качестве модели выбрали именно вас?

- Мои родители очень дружили с семьей Кузьмы Сергеевича, он даже

был моим крестным. Мы часто у них гостили, а там бывал Алексей Федорович Пахомов. Он в тот момент решил себя попробовать в скульптуре. А почему выбрали меня? Я училась в балетной школе, какое-то изящество, вероятно, привлекло.

- Давно видели этот свой портрет «Девочка с куклой. Портрет Татули» - экспонат Таллиннского художественного музея?

- Да как раз совсем недавно! В Таллине у меня был творческий вечер, и заведующая отделом русской живописи привезла на него «Девочку с куклой». Причем, под охраной! Сама его установила, рядом стояла, не разрешала даже фотографировать. Последний раз я видела эту картину, когда вместе с отцом, уже вернувшимся из лагерей, ходила в Русский музей на выставку Кузьмы Сергеевича. Была растрогана до слез!

- В Ленинграде вашими соседями по дому 9 на Таврической улице были режиссер Сергей Васильев и актриса Варвара Мясникова. Вы знали, что он один из «братьев Васильевых» - создателей легендарного «Чапаева», а она та самая актриса, сыгравшая Анку-пулеметчицу?

- Конечно! Весь дом это знал. Это было до войны - я была совсем маленькая еще. Они жили этажом выше. Причем, до Васильевых эту верхнюю квартиру занимал Сергей Эйзенштейн. Наше угловое окно выходило во двор, и я помню, как я вставала у окошечка и наблюдала, как из большой парадной выходят Сергей Дмитриевич Васильев вместе с Варварой Сергеевной. Потом они разошлись, у него появилась другая жена.

Я хорошо запомнила другое: у их дочери была няня Наталья Ильинична. А у нас квартира деленная, ванны не было. И Наталья Ильинична, которая пригласила меня к нам:

- Мои уехали на съемки. Идите мыться! И мы с мамой мылись в ванной Васильевых.

- В каком возрасте у вас проявились творческие порывы?

- Я танцевала всегда, сколько себя помню. Веселая была, очень активная. На даче в Сиверской под Ленинградом родители устраивали вечера. Папа пел - у него был чудесный баритон, мама играла на рояле, а я танцевала. Именно после одного из таких концертов мой крестный посоветовал отдать меня в балетную школу.

Что самое удивительное, моя строгая немецкая бабушка, Екатерина Николаевна, из которой обычно слова не вы-

Родители в Красноуральске (1948-1949)

В Таллинне (2010-е)

тянешь, вдруг неожиданно поддержала эту затею. И вскоре мама отвела меня в Ленинградское хореографическое училище.

Помню, сидел худсовет - Ваганова, Дундинская, Уланова, а мы ходили по кругу, нас смотрели, оценивали. Маме сказали:

- Все хорошо, только ручки короткие.

Но взяли. У меня были дивные учителя. Мой первый педагог по балету - Евгения Петровна, мама легендарной балерины Татьяны Вечесловой. А выпускала меня Мария Федоровна Романова, мама Галины Улановой.

- Мечтали стать примой-балериной как Уланова и Вечеслова?

- Нет, мой старший брат Володенька этого хотел. В ночь, когда его призвали в армию, он зашел попрощаться. Положил мне под подушку семь слоников (они до сих пор стоят у меня на пианино!) и книжку «Основы классического танца». И написал: «Тата! Будь хорошей балериной». Поцеловал и больше я его не видела - он пропал без вести в первые дни войны. Но настоящей балериной я никогда в жизни не стала бы.

- Почему?

- Во-первых, я была лентяйка, а балет - это адский труд. Во-вторых, некую роль сыграла, конечно, война. Наше училище почти на четыре года эвакуировали на Урал, в глухое село Полазна. Вы же понимаете, какие там могут быть занятия?

Ну, а главное - меня все-таки тянуло именно в драматическое искусство. Как только у нас в хореографическом училище открылся драмкружок, я первая прибежала туда и вскоре сыграла Снежную королеву. Будучи второклассницей, представляете?

Папа посмотрел, и, я помню, сказал маме:

- Молодец Татьяна! И говорит со сцены как хорошо, и муфточку держит, и спинку.

Более того, я нашла свой крошечный дневничок 1943 года (то есть я его вела уже в эвакуации), он заканчивался фразой: «Кончится война, брошу я этот балет и пойду в драматическую студию!» Недаром же в дневнике появилась эта фраза?

- Выдающийся хореограф Большого театра Юрий Григорович был вашим сокурсником по училищу?

- Нет, он учился на два курса старше. Кто бы мог подумать, что вырастет в хореографа, да еще такого. Несколько лет назад было какое-то торжественное мероприятие в Царском селе, столы накрыли. Сажусь, и вдруг вижу: идет Юрка. Как закричит:

- Татка!

- Сколько лет вы не виделись?

- Да господи, со школы, с тех самых пор! Как стали вспоминать.

- Ты помнишь, как мы бревна баграми таскали из Камы, из ледяной воды?

Я говорю:

- Помню, Юрочка, помню!

В эвакуации нам было не до учебы - работать надо было. Бревна таскали - это же дрова! Все делали - пололи грядки, собирали картошку. Жили восемнадцать человек в одной комнате, спали на матрасах, набитых сеном. Морозы под 40,

голод. Несмотря на то, что нам давали аж по 800 граммов хлеба (казалось, всё это съесть невозможно!), а все равно постоянно есть хотелось. Помимо этого, еще выступали перед ранеными в госпиталях с концертами.

Мы не так давно созванивались с моей подружкой Валечкой Петровой и вспоминали, как в одном из госпиталей играли свой номер на двоих «Бим и Бом». Полный зал раненных, перевязанных. Я вышла, зацепилась за кулису и всю ее потащила за собой. Такой хохот стоял в зале! Дети же еще были, Боже ты мой!

- Что еще врезалось в память в период эвакуации?

- 7 ноября 1942 года мы ездили на праздничный концерт в город Молотов (так тогда называлась Пермь) - там выступали Уланова и Вечеслова. А назад нас везли на старом пароходике, набитом пассажирами. Вдруг девчонки мне говорят:

- Таня, там едут твои знакомые из Ленинграда.

Я побежала и обомлела: навстречу мне вышел мой папа. Он сразу отвел меня в сторонку и предупредил:

- Мама сильно изменилась. Не пугайся и не подавай вида!

Мама сидела на каких-то тюках около каюты. Мы не виделись два года, и первое, что она мне сказала, даже не поздоровавшись:

- Таточка, у тебя нет хлебушка?

До сих пор мурашки по коже, когда вспоминаю эту нашу встречу.

- Сказались последствия тифа, которым мама переболела в блокадном Ленинграде?

- Блокада, тиф - все вместе. На почве голода и последствий болезни у мамы случилось помутнение рассудка. В себя

С Мариной Ладьиной на фестивале в Италии (1958)

С мужем Борисом Агешиным

Окончание. Начало на с. 9

она пришла только несколько недель спустя. А вот папка молодцом держался - не терял присутствия духа. Хотя мама была эвакуирована, а он ехал в многолетнюю ссылку.

- Из блокады в ссылку? Куда уж страшнее.

- Такое было принято решение. Отца вызвали и ознакомили с документом, в котором ему предписывалось в трехдневный срок покинуть Ленинград.

- Что инкриминировали?

- То, что он был немец по национальности. А какой он немец? Мои предки по папиной линии - Урлаубы - приехали в Россию в 1837 году. И папа, и его родители родились здесь, в Петербурге. Его родственники были известные в городе оптики, архитекторы, музыканты, живописцы. Мой дед, Егор Федорович Урлауб, был академиком живописи, его картины - в Русском музее и Третьяковке. Ничего не помогло!

Вы только представьте: ему в три дня надо было все имущество продать и уехать.

А какая бабушкина квартира была. Из троих своих детей бабушка Екатерина Николаевна больше всего любила моего папу, и самое роскошное изжитого имущества она отдала ему. У нас была потрясающая работа мебель из карельской березы и красного дерева. Инкрустированная, невероятной красоты! А какие картины были, библиотека, посуда! И все это надо было продать, причем, за бесценок или - просто бросить.

Мама с папой уехали с одной корзиной и двумя сумками. В одной из них были старинные антикварные чашечки. Я все время смотрю на них и удивляюсь, как они уцелели, проехав столько километров, столько лет находясь вместе с папой в Краснотурьинске. Видно, так ему были дороги - как кусочек из прежней спокойной счастливой жизни.

Кстати, в 1990-е мне дали почитать «дело» отца. Знаете, что больше всего меня поразило? На титульной странице даже его имя первоначально было написано с ошибкой - «Леонид Урлауб». Потом имя зачеркнули и сверху исправили на «Людвиг».

Человеку дали 15 лет, не удосужившись узнать его имя!

Там аккуратно были подшиты бесчисленные мамини прошения пересмотреть его дело и оправдать - она писала Калинин, Жданову, Ворошилову, Молотову и даже самому Сталину. На всех стояла резолюция «Отказать!»

- Насколько я знаю, дело отца и вам потом аукнулось.

- Это было уже после войны в 1948 году. Нас с мамой вызвали в отделение милиции, крест-накрест перечеркнули в наших паспортах ленинградскую прописку и сказали, что в 24 часа мы должны уехать к папе в лагерь - на Урал.

Я к тому времени уже начала сниматься в кино, и один из режиссеров мне посоветовал обратиться к драматургу Николаю Эрдману, который в тот момент ставил программу для ансамбля МВД. Я поехала к нему. После этого я единственный раз была в «Большом доме» - здании Ленинградского НКВД. Мрачные холодные коридоры, двери как шкафы. По виду зеркало, открываешь, а оказывается, это дверь. Кошмар!

- Не было опасений, что сделаете себе только хуже?

- А чего мне было бояться? У меня шляпка, вуалетка. Я пришла, рассказала про папу - я же знаю, что он ни в чем не виноват.

Генерал НКВД Леонтьев сказал позвонить через неделю. Я позвонила. Он говорит:

- Деточка! Вы танцуйте, а ваша мамочка пускай едет к папе.

И тогда я пошла к Соловьеву - был тогда Иван Васильевич Соловьев, по тем временам главный в Ленинграде. Очень уважаемый человек, герой войны. Он внимательно выслушал, тут же взял трубку, позвонил, уж не знаю кому. Как начал кричать:

- Что это за безобразия? Вы так всех русских из города выгоните!

Вскоре нам с мамой выдали новые чистенькие паспорта и оставили в покое. Всё благодаря тому, что я пошла к Соловьеву. Я вообще-то нерешительный человек, но иногда...

- Просыпаются гены прапрабабушки Луизы?

- Не иначе. Легко это сейчас рассказывать, но то, что мы пережили - не дай Бог.

- Татьяна Людвиговна, если можно, ответьте откровенно. Ваш брат погиб на фронте, квартиру на Таврической отобрали, отцу поломали судьбу, украли столько лет жизни. Неужели не было обиды на социалистическую систему, на сталинизм?

- Да, вот такие мы были - искренне верили в светлое будущее. И я была плотью своего времени. Когда умер Сталин, папа еще отбывал свой 15-летний срок, но я помню, как я плакала от горя! Ну что же держать в себе зло и жить этим злом? Это не в моем характере абсолютно. У меня характер - папин. Если бы он не был таким легким, спокойным, дружелюбным, отходчивым человеком, он бы не пережил все то, что ему пришлось пережить.

- Папа рассказывал подробности про эти 15 лет?

- Мало что рассказывал. Наверняка было и трудно, и очень плохо. Но он никогда не жаловался. Вначале жил в лагере, за колючей проволокой. Но отец и там смог проявить артистические таланты: он ставил спектакли в местном доме культуры, сам в них играл и таких же, как он заключенных привлекал. И это его спасло! Со временем ему разрешили переселиться в город. Я ведь к нему ездила в 1950 году. Мы концертывали в Краснотурьинске, потом поехали в соседнее село - в местном доме культуры я читала Некрасова и танцевала. Папа смотрел на меня.

Его реабилитировали в 1958 году, при Хрущеве. А еще через много-много лет, когда папы уже не было в живых, я реши-

ла сходить в реабилитационный центр за справкой о реабилитации. Мне эту бумагу дали и сказали:

- Поскольку в тот момент вы были несовершеннолетняя, вам причитается денежная компенсация.

- Большая сумма накопала?

- Девять рублей пятьдесят восемь копеек. Я сказала:

- Спасибо большое. Не надо!

- В 1946 году вы снялись в знаменитом фильме «Золушка» - с Яниной Жеймо, Эрастом Гариным, Фаиной Раневской... Как вы туда попали?

- Закончив после эвакуации училище, некоторое время я танцевала в кордебалете Театра музыкальной комедии, но уже тогда стала понемножку сниматься в кино. Мы с мамой жили в те годы очень тяжело - карточная система, нужно было зарабатывать. А за съемочный день платили 4 рубля 50 копеек. Поэтому за счастье было играть даже в массовках.

Так вышло и с «Золушкой». Если вы помните, там было много сцен балетных танцев. Меня киношники уже знали, вот и пригласили участвовать в этих балах. Помню, сшили мне очень красивое голубое парчовое платье. Господи, боже мой! Мне было 18 лет - как я была счастлива! Снимали в павильонах «Ленфильма». Я ходила, смотрела на Раневскую, на Гарина. Это всё было для меня так ново, так волнующе. Янине Жеймо перед каждым крупным планом делали свеженький грим, потому что она была уже не девочкой. Все-таки - 37 лет, а как юную Золушку сыграла!

- Трудно в те годы было получить роль?

- Конечно, непросто. Это сейчас девочка снялась раз-два, и она уже героиня и «звезда»! А во времена моей молодости начинали с массовочки, следующая ступенька - эпизод и упоминание в титрах. Вот так постепенно, ступенечка по ступенечке, нужно было продвигаться вперед. Но поскольку тогда уже мои фотографии на Ленфильме были, режиссеры их смотрели и предлагали мне роли.

- Правда, что вашей киношной карьере весомо поспособствовал Александр Вертинский?

- Это вышло совершенно случайно. Нас познакомила подруга моей мамы, и на первой же встрече (а я уже снялась в «Пирогове» и еще нескольких фильмах) Александр Николаевич настойчиво, а он слегка картавил, говорил:

- Гаубчик, гаубчик... С такой внешностью вам надо, надо сниматься в кино!

С тех пор он, приезжая в Ленинград, всегда приглашал меня на свои концерты, иногда водил в рестораны. Позже он настоял, чтобы я попробовалась в картину «Княжна Мэри». Взял у меня фо-

тографию и сам отвез на студию имени Горького режиссеру Исидору Анненскому. Меня вызвали и - можно так считать, конечно - с его легкой руки я снялась в этой роли. За что Александру Николаевичу благодарна всю жизнь. А на следующий год я сыграла Таню Огневу в «Разных судьбах».

- Где вас увидел режиссер Леонид Луков?

- На съемках «Княжны Мэри». Он приходил на все съемки. Смотрел, выбирал актеров. Потом никаких проб не делал никому - ни Жорке Юматову, ни Юле Паничу, ни Тане Конюховой. У него глаз был - о-о-о!

Больше никогда не доводилось переживать той сумасшедшей славы, которая на меня обрушилась после премьеры «Разных судеб». Это было что-то невероятное! Но после этой картины за мной закрепился образ отрицательной героини, стервы.

- Наверное, потому, что вы так некрасиво обошлись в фильме с мужчинами, любившими вас...

- Значит, сыграла как надо! Зрители порой забывают, что на экране не реальный человек, а артист. Помню, после показа картины в МГУ студенты на меня просто накинулись. Выходили девчонки, парни:

- Вас любит такой парень, а вы... Как вы могли так подло поступить?

Объясняла:

- Да это моя роль. Я совсем другая.

Слушать не хотели. Меня готовы были растерзать. И кто? Студенты самого передового вуза страны.

Режиссеры тоже почему-то посчитали, что я могу играть только отрицательных героинь и перестали брать в свои фильмы.

- У вас же потом вышло немало прекрасных картин - «Дело №306», «Олеко Дундич»...

- При этом в моем архиве лежит большая папка с фотопробами к фильмам, куда я пробовалась, но не сыграла. Иногда пересматриваю эти фотографии. Это и Дездемона в «Отелло» Юткевича, и «Дама с собачкой» Хейфеца, и «Дон Сезар» Шапиро, и «Первые радости» Басова. Очень много ролей, которые прошли мимо меня, и которые я, конечно, хотела сыграть.

- Почему «прошли мимо»?

- А откуда я знаю? Художественный совет не утвердил, и - «спасибо, до свидания». Хотя роскошные пробы были!

- И все-таки есть своя версия?

- Думаю, одна из причин - в то время моя внешность в то время не вписывалась в художественные рамки, предлагаемые кинематографом. Ведь, как правило, героями экранов были колхозницы, комсомолки, ударницы. А какая из меня колхозница, доярка, передовик производства? Я пыталась даже в платках сниматься, чтобы лицо в глаза не бросалось.

Помню, на пробах на роль Дарьи в картину «Донская повесть» режиссер Владимир Фетин почему-то мне нос наклеил - здоровенный, курносый. Зачем - непонятно?

Жалко, конечно, очень. Самое обидное, что летят годы, а их не вернешь, к сожалению.

В период простоев спасали только концерты, творческие встречи со зрителями, где я выступала вместе с Марком Бернесом, Николаем Черкасовым, Аллой Ларионовой. У меня была уйма встреч, просто уйма!

- У вас был коронный номер?

С отцом и дочерью Натальей

Татьяна Конюхова и Татьяна Пилецкая. 50 лет после Разных судеб

С Еленой Образцовой и Юрием Григоровичем на торжественном вечере в Царском селе

С Иваном Краско после спектакля Заноза

- В те годы было принято устраивать праздники на стадионах. Обычно меня объявляли:

- Артистка Татьяна Пилецкая, исполнительница роли Гали в приключенческом фильме «Олеко Дундич».

Я вылетала верхом на лошади, проскакивала весь стадион. Дальше быстро уэстрады переодевалась в белое платье и пела вальс «Ты надела праздничное платье...» из «Разных судеб». Публика сходила с ума! Стадионы в те годы ломились - народ очень любил эти праздники.

- Популярность у вас была сумасшедшая. Как зрители выражали свою любовь?

- Я получала письма. Мешками! Я их в шкафу храню до сих пор - не поднимается рука выбросить. Потому что люди со всего Союза писали от всего сердца, очень искренне. Среди них были и смешные послания и от девушек, мечтавших стать киноактрисами. Молодые люди объяснялись в любви, просили денег.

- Даже так?

- Ну конечно! «Пришлите срочно. Я вам потом отдам!» Нет, конечно, на части не рвали, но на улице узнавали на каждом шагу и, кстати, до сих пор узнают. Причем не только в Санкт-Петербурге.

- В период простоев могли сломаться? Ведь не каждый актер способен выйти из депрессии, и таких трагических примеров - десятки. Екатерина Савинова, Изольда Извицкая, Сергей Гурзо.

- Знаете что... Мне было очень плохо! Еще год-два и я могла бы сгинуть в штате Студии киноактера, играя крохотные эпизодики неинтересные. Но в 1963 году мне предложили попробовать в Ленинградский театр имени Ленинского комсомола. Это был колоссальный риск. Я ведь не играла никогда на сцене, у меня не было драматического образования, а там громадная сцена - 1700 зрительских мест. Но я рискнула, и театр стал моим спасением!

- Непросто было начинать жизнь с чистого листа?

- Очень! Нужно же было завоевать свое место в театре, доказывать, что ты что-то можешь. Расскажу такой эпизод. Я только-только пришла в театр и на малой сцене отмечали, если не ошибаюсь, мой день рождения. Стоял мой портрет. И актер, который много лет проработал в Ленкоме, сказав слова поздравления, подошел к этому портрету и демонстративно «утер» мне носик! Мол, подумаешь, пришла какая-то из киношки. Сопли-венькая еще и что покажет, неизвестно. А здесь - театр! Никогда не забуду этот жест. Но я в этом театре уже более 50 лет.

- Родители застали вашу славу, успели порадоваться?

- Конечно. Мама умерла в 1958-ом, она видела все мои первые картины. А папа ходил на мои спектакли, когда я уже играла в театре. Знакомая рассказывала, как однажды они сидели рядом на спектакле «Сирано де Бержерак», где я играла Роксану:

- Я сижу и смотрю, а рядом сидит твой папа и плачет.

- Вы не раз признавались, что с партнерами вам везло всю жизнь. А кто для вас настоящая актерская глыба?

- У нас - Николай Черкасов. Во время съемок ленты «Пирогов» я ходила специально и смотрела, как он играл, как работал, как думал над ролью. Это было потрясающе! Еще выделю Веру Марецкую, Льва Наумовича Свердлина - он папу моего играл в «Разных судьбах» и Оль-

гу Жизневу - она играла мою маму. Мне всегда казалось, что Жизнева очень похожа на мою мамочку.

А из зарубежных актеров величина номер один для меня - Жан Габен. Возьмите его любую роль, и увидите, какая глубина, какая искренность, какая боль, если это требуется. Удивительный актер! Я тоже всегда на него смотрела и училась. Я всю жизнь учусь.

- В начале 1970-х вы играли в ленинградском Ленкоме с Олегом Далем. За что его с треском выгнали из труппы?

- Мы были партнерами в его единственном в нашем театре спектакле «Выбор». Премьеру отыграли прекрасно, и ее отметили все вместе. Роза Абрамовна Сирота была, режиссер, и Олег - опоздал, правда.

А на гастролях в городе Ярославле он вдруг вышел на сцену без обуви в одних красных носках. Подошел к зрителю из первого ряда:

- Дай закурить!

Закурил и ушел за кулисы. Третья наша партнерша - Лариса Малеванная, да и все мы просто обалдели от неожиданности. Зрители - тоже. Быстро закрыли занавес, перед зрителями извинились. Спектакль отменили. Разразился скандал, и Олега уволили из театра.

- Был сильно подшофе?

- Не знаю. До этого мы общались - нормальный был человек. К сожалению, вот так бесславно закончилась его театральная деятельность в нашем театре.

- Вам приписывали романы с самыми известными красавцами страны - Олегом Стриженовым, Георгием Юматовым, Юлианом Паничем...

- Меня все время с Марком Бернесом молва сводила. Не знаю, почему. Господи, никогда в жизни ничего не было! Он милый, славный человек, мы вместе снимались в «Деле 1306». И всё!

Мне прочили в возлюбленные даже Вертинского. Я же не могу каждый раз эти сплетни опровергать. Зачем? Говорят, и пусть говорят.

Кстати, с Юлианом Паничем, который в «Разных судьбах» сыграл моего возлюбленного Федю Морозова, мы дружили и общались всю жизнь, несмотря на то, что он жил во Франции.

- У вас такая богатая родословная. Что вас из узанного о предках больше всего поразило? Невероятная прапрабабушка Луиза?

- Луиза Графемус, конечно, уникальная личность. Бесстрашная, с авантурной жилкой! Она родилась в Германии в 1786 году. Во время войны с Наполеоном, скрыв свой пол, воевала против французов в прусском корпусе под началом генерала Гебхарда фон Блюхера. Воевала героически! О ее подвигах писали

газеты, называли «второй Надеждой Дуровой». Была трижды ранена, получила крест за доблесть, в битве при Ватерлоо лишилась правой руки, но дослужилась до чина уланского вахмистра. Выйдя на инвалидный пенсион, переехала жить в Петербург. Вышла замуж за печатника Иоганна Кессениха, причем хватало у нее энергии и мужества троих детей родить, открыть знаменитый танцкласс на Фонтанке у Измайловского моста, и «Красный кабачок» - трактир на десятой версте Петергофской дороги. Между прочим, воспетый Пушкиным и Лермонтовым.

- Ее героические гены в вас как-нибудь проявились?

- Пожалуй, только в способности к верховой езде, которая мне очень легко давалась. А в остальном... У меня абсолютно нет авантурной жилки, я не очень сильный человек. Правда, иногда способна на решительные поступки.

- Если оглянуться назад, какие работы в кино для вас особо ценны на сегодняшний день и почему?

- Мне очень дорога одна из последних картин - «Вербное воскресенье». С Катей Гусевой, Катей Вилковой, со Светочкой Ивановой и Юрочкой Батуриным. Замечательные партнеры и изумительный режиссер Антон Сиверс, у которого я до этого снималась в «Каменской» и который своим стилем работы очень напоминает мне Григория Михайловича Козинцева. И моя роль мне близка - ведь там я сыграла бывшую балерину. Можно сказать, вспомнила свою первую профессию. Чудесная получилась картина!

- В список своих любимых картин включили бы «Сильву», «Прощание с Петербургом», «Невесту», «Зеленую карету»?

- Безусловно. А чем они мне дороги? Любая роль для меня ценна, прежде всего, интересным характером, неожиданными поворотами в судьбе героини. Бесхарактерного человека играть не соглашусь никогда. Тем более, сейчас, когда у меня за плечами сорок пять картин. А то, знаете, как иногда предлагают, глядя на год рождения?

- Мы хотим вам предложить роль...

- Хорошо. Пришлите сценарий.

Получаю, читаю: «Из дома вывезли в коляске преклонного возраста нехотную старушку. Она говорит одну единственную фразу:

- Везите меня помедленней, здесь так много ухабов!»

Это роль? Прежде чем приглашать актрису, сначала узнайте, чем она занимается. Ткните на кнопку - в интернете вся информация есть.

- Как? Вы еще работаете?

Я работаю в двух театрах - «Балтийский дом» и «Приют комедианта», играю в больших почти трехчасовых спекта-

клях. Но кино люблю и могу сыграть даже эпизод. Имя себе уже не надо делать, я не в маразме, слава тебе Господи! И вроде как еще и вид приличный! Но не такую же ерунду!

- В советские годы подобные казусы могли случиться?

- Никогда! Тогда вообще все было основательным. Сначала разговор с режиссером, затем - фотопробы. Если фотопроба устроила режиссера и художественный совет, назначалась кинопроба. Потом художник отсматривал ее и решал: может этот актер сыграть эту роль или нет.

- А уровень режиссуры двух эпох сопоставим?

- Слава богу, у меня режиссеры были мощные. Всегда четко знали, что они хотят снять и как. А не так, как часто я сталкиваюсь в последнее время, когда режиссер с оператором обсуждают:

- А давайте снимем с того угла... Нет, давайте лучше с этого.

Леонид Давыдович Луков приходил на съемочную площадку с раскадровкой каждой сцены - он уже до съемок не только видел, но и слышал всю картину. Обязательно - репетиции.

А сейчас? Я снималась в 16 серийной картине. 8 серий снимал один режиссер, остальные 8 - другой. Как это может быть? Не понимаю совершенно.

Меня вот еще что сейчас поражает. Почему не показывают старые фильмы? Ну почему не показать «Прощание с Петербургом», «Княжну Мэри». А «Олеко Дундич» какой потрясающий фильм! Но не показывают! Наберусь сил, обязательно поеду на ТВ и спрошу в чем дело? Я - не звездунья, лично мне это не надо, но людям-то, молодежи хотя бы посмотреть хорошо кино.

В этом году «Пирогову» 70 лет. А там играют Черкасов, Скоробогатов, Лебзак... Козинцев ставил, снимал Москвин - выдающийся оператор. Есть множество прекрасных фотографий. Ну, сделайте вы на Ленфильме выставку. Ни черта никому не нужно!

- Сегодня артисты катаются на коньках, показывают цирковые трюки в телешоу. Но часто смотришь фильмы с их участием и - не цепляет. Как думаете, что не так в «актерском королевстве»?

- Вы сами, наверное, часто видите: когда актриса или актер делают вид, что плачут, а из глаз - ни слезинки. Я играю в спектакле «Дерева умирают стоя» финальную сцену. Казалось бы, далеко зритель, можно обойтись без слез - просто сделать вид, что переживаю. Но я каждый раз после финальной сцены прихожу за кулисы и рыдаю. То есть какое-то время еще там не могу выскочить из этого состояния. И слышу, как зритель в зале «хлопает». А если я «сделаю вид», кого это заденет? Нет, надо выкладываться по полной. Играть надо только сердцем, только на разрыв аорты.

- 101-летний Владимир Зельдин до последних дней выходил на сцену, не мог без работы. Вы при всей своей немалой занятости тоже говорите, мол, мало, хочу еще. Что же вы за люди такие?

- Актеры нашего поколения, видимо, так устроены, что мы должны быть востребованы. Иначе артист вянет и погибает. Я не могу быть без дела! Не могу сидеть на диване и смотреть телевизор. Мне скучно! Хотя и кашляю, и давление скачет.

Вчера отыграла труднейший спектакль, где у меня длинные монологи, переживания. Большая, еле-еле поднялась утром... А вышла на сцену и - всё сыграла. Сцена лечит!

С Екатериной Вилковой в сериале «Вербное воскресенье» (2009)